

801-13
2490

Издательство „ГОРИЗОНТЫ“
САРАТОВЪ

С $\frac{50}{15}$ сг

НАЧАЛО

СБОРНИКЪ
≡ СТАТЕЙ ≡

САРАТОВЪ
Товарищество „Типографія Энергія“
1914.

Встрѣчи и думы.

(Силуэты)

I.

Россія умѣетъ хоронить своихъ дѣтей. Не помню, кѣмъ это было сказано. Если не сказали—должны были сказать, ибо это правда, горькая правда нашей жизни.

Засыпимъ землею, произнесемъ надгробное слово, напоенное подлинной скорбью и, опечаленные, тихо разойдемся. Этому учила насъ исторія нашей родины, и научила—великолѣпно.

Плести посмертные вѣнки, молиться у великихъ могилъ тоже нужно, значительно, цѣнно для жизни... „Въ составъ челоуѣчества входитъ больше мертвыхъ, чѣмъ живыхъ“. И сколько среди этихъ мертвыхъ—зажигающихъ и одухотворяющихъ жизнь живыхъ?

И много у русской интеллигенціи могилъ, къ которымъ мы подходимъ съ обнаженными головами, много могилъ у которыхъ съ благоговѣніемъ останавливаются всѣ, въ саду русской культуры вкусившіе отъ древа познанія, учившіеся любить и ненавидѣть въ орденахъ ея. Огнистыя вѣхи—эти могилы—на пути, вѣдушемъ въ „страну дѣтей“...

Но почему только у могилъ мы соборно творимъ славу нашихъ поэтовъ, бойцовъ, и тѣхъ, кому борьба мѣшала быть поэтомъ, а пѣсня—бойцомъ? Почему живые живымъ не несутъ цвѣты благодарности, почему на долю живыхъ мы оставляемъ только терніи безъ розъ, почему къ живымъ мудрецамъ и поэтамъ, къ живымъ борцамъ, героямъ и мученикамъ мы не подходимъ съ простыми и радостными словами любви, признательности, утѣшенія?

Не умѣемъ? Или не хотимъ? Или „не пускаютъ“?

Не строю иллюзій. Знаю, что часто, увы, слишкомъ часто, молчимъ потому, что „не пускаютъ“. Приучили насъ ходить съ крѣпко сжатыми губами. И пока будутъ зорко слѣдить за движеніями нашихъ губъ, строго-чутко прислушиваться къ скрипу нашихъ перьевъ, пытливо—и денно

и ночью—заглядывать въ души и въ окна наши, большинство изъ насъ будетъ жить по „традици“, подъ властью навъихъ чарь...

Но все-же мертвую цѣпь рвать надо. Надо рвать мертвую традицію. Вѣдь недаромъ была въ огнѣ раскаленномъ страна молчанія. Много испепелилось, но многое и переплавилось, отвердѣло, кристаллизовалось, открыто блеснуло дерзкимъ, волнующимъ блескомъ.

Но хотимъ ли мы и умѣемъ ли? Надо признаться: есть психологическія трудности, требующія преодоленія. Ихъ много, и онѣ—въ каждомъ изъ насъ. Ибо многіе изъ нужды сдѣлали добродѣтель и берегутъ, цѣнятъ ее, холятъ. Въ Европѣ живому писателю (Ибсену) родина всенародно поставила памятникъ. Мыслимо ли это у насъ, въ Россіи? Не только „они“ не пустятъ—психологически невысказано. Мертвымъ честь и слава, но живымъ?—мы слишкомъ строги и цѣломудренно-стыдливы, чтобы позволить себѣ это. Святая Русь—она ли страна лавровыхъ вѣнковъ? И похоронный гимнъ—не наша ли любимая музыка?

Хоронить мы умѣемъ...

II.

Въ текущемъ 1913 году на лѣвомъ флангѣ русской общественной мысли горятъ юбилейные огни. Вѣрнѣе—должны были горѣть. Тысячи и десятки тысячъ рукъ могли и должны были на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ высоко поднять огни надъ нашими головами, дабы видѣли всѣ, имѣющіе глаза, какую дорогу мы прошли, и какая дорога лежитъ впереди.

30 лѣтъ тому назадъ, въ годину смерти творца идеологии „четвертаго сословія“, первые русскіе ученики его основали „Группу Освобожденія Труда“. Была ночь и тьма, и поле русское было усыяно мертвыми костями. Въ героической схваткѣ „критически-мыслящая личность“ потерпѣла жестокое поражение, и съ поникшими головами, со спущенными и потушенными огнями въ душѣ, бродило по русской землѣ „поколѣнье, проклятое Богомъ“.

И вотъ, въ эту ночь безысходную, какъ фениксъ изъ пепла, явилась на Руси новая группа борцовъ. Былъ дерзокъ полетъ ихъ мысли, была пламенна вѣра, и воля ихъ къ творчеству—непреборима...

Въ станѣ побѣжденныхъ водрузили они новый стягъ, новое „симъ побѣдиши“.

15 лѣтъ прошло. Уже блеснули первыя нѣмыя зарницы, вѣстники будущей грозы неминуемой. И выросшая семья русскихъ „учениковъ“ рѣшила строить свой домъ. 15 лѣтъ тому назадъ были заложены первые организационные намни и жертвенной кровью сцементированы. Домъ еще далеко не достроенъ. Нерѣдко казалось, что вотъ—размывается, осыпается подъ нимъ земля...

Но крѣпокъ фундаментъ, неизсякаемъ источникъ драгоценнаго цемента.

И какъ 30 и какъ 15 лѣтъ тому назадъ, дерзка, ясна и пытлива мысль строителей, пламенна вѣра ихъ, и непреборима воля ихъ къ творчеству.

III.

Трагична судьба „безымянной Руси“. Сколько безкрестныхъ могилъ, разметенныхъ, разсѣянныхъ вѣтромъ мятежнымъ. Сколько сгорѣвшихъ въ огнѣ невидимомъ, о комъ исторія ни слова не скажетъ, не зная, откуда пришли они и куда ушли. И радости ихъ, и печали, подъемы и паденія, и подвиги вседневные—сколько драгоценныхъ „человѣческихъ документовъ“ пропало для исторіи!

Живетъ въ сердцѣ одна лишь надежда: придетъ когда-нибудь художникъ съ геніальнымъ прозрѣніемъ и могучимъ талантомъ и бессмертнымъ словомъ своимъ воздвигнетъ памятникъ надъ „братской могилой“. То будетъ памятникъ, къ которому поистинѣ никогда не зарастетъ народная тропа.

Но не о рядовыхъ „безымянной Руси“ сейчасъ рѣчь. Не о нихъ, но о тѣхъ, кого талантъ и воля судьбы поставили на первыя мѣста, на мѣста вождей...

Они живы, и я хочу говорить о живыхъ: пусть въ юбилейныхъ огняхъ освѣтятся ихъ лица. Не они ли первые указали намъ дорогу? Не они ли учили насъ, что свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объясъ? Не они ли первые закладывали еще строящийся домъ нашъ?

Судьба мнѣ улыбнулась: подарила встрѣчи съ ними. Вѣтеръ освобожденія, гулявшій по родной землѣ, несъ насъ на поющихъ крылахъ своихъ, и далеко за моря залетали мы и тамъ, на свободныхъ берегахъ, встрѣчались мы.

Среди немногих, о комъ рѣчь, были и тѣ, кому близокъ юбилей 30-лѣтній и юбилей 15-лѣтній, и тѣ, кто пришелъ позже, но сталъ впереди.

Плехановъ и Аксельродъ, Ленинъ, Мартовъ, Старовѣръ. И еще среди нихъ „пѣвецъ народушка“, пѣвецъ „Вездѣсущаго“, подмастерье малярнаго цеха, Максимъ Горькій.

IV.

— Досталъ, досталъ!—не вошелъ, а влетѣлъ ко мнѣ въ комнату товарищъ по школьной скамьѣ, радостный и оживленный.

Въ рукахъ у него была книга, старая-старая, въ порывѣвшемъ отъ времени переплетѣ.

— Давай сюда,—зажегся я радостью при видѣ добычи, за которой мы такъ долго охотились.

То была книга Бельтова—„Монистическій взглядъ на исторію“. Мы достали ее оттуда, изъ таинственнаго подземнаго міра.

Какъ давно, давно это было! Въ утро русской жизни, въ свѣтлое утро освобожденія... Давно, когда души наши были еще какъ зори розовыя...

Поистинѣ, „веселой наукой“ былъ тогда марксизмъ для насъ. Мы не вѣрять хотѣли, а знать. Отъ утопіи шли мы къ наукѣ и на вершинахъ ея мы видѣли солнечный восходъ, о которомъ пѣлъ долинамъ Лассаль.

И Бельтовъ—это былъ ключъ „веселой науки“ къ загадкамъ русской жизни. И формулы его были не отвлеченныя формулы—„овесъ растеть по Гегелю“—но напоенныя надеждой, плотью и кровью облеченныя, боевыя лозунги.

Сознаніе исторической необходимости есть сознаніе своей свободы. Въ желѣзной цѣпи причинъ и слѣдствій наша активная дѣятельность, дѣятельность по линіи историческаго развитія, есть неизбежное, неразрывное звено. Не люди дѣлаютъ исторію, но исторія дѣлается черезъ людей.

Гибнетъ община? Чумазый идетъ? Фабричный дымъ стелется надъ русской равниной?

Пусть. Намъ не перепрыгнуть, намъ пройти надо великую полосу антагонизмовъ. Антитезисъ дастъ намъ свободу. Въ мукахъ, но дастъ. И только потомъ—синтезъ, только потомъ—отдохнемъ...

„Отцы“ поражаются жестокосердію „дѣтей“. Эпигоны грудью защищали наслѣдство.

Но во главѣ „дѣтей“ шелъ съ развернутымъ знаменемъ Бельтовъ, дерзкій, боевой и неутомимый Бельтовъ.

Шапки долой предъ героями прошлаго. Но ошибки ихъ мы обязаны вскрывать безпощадно. Мертвые да не властвуютъ надъ живыми.

И Бельтовъ вскрывалъ ошибки прошлаго и увѣренно указывалъ пути будущему..

И оказалось,—да! „овесъ растеть по Гегелю“. И уже въ 1903 году, въ кругу своихъ соратниковъ, открывшійся въ Бельтовѣ Георгій Валентиновичъ Плехановъ радостно воскликнулъ:

— Весело жить!

И соратники его, собравшіеся съ разныхъ концовъ родной земли, могли поддержать своего неутомимаго, побѣдившаго вождя:

— Весело жить!

Предъ судомъ исторіи Бельтовъ оказался оправданнымъ. Разразилась гроза..

V.

Гроза прошла.

Уже догорали зори вечернія.. Уже къ ночи мерцали зарницы.

Но ратники еще не сдавались. Еще вѣрили: есть порохъ въ пороховницахъ.

Много собралось ихъ, избранниковъ пролетарской Россіи. Настоящій „Восточный Интернаціональ“. Но мало еще было, кто предчувствовалъ, что это—лебединая пѣсня затихающаго Sturm und Drang'a...

И вотъ на трибунѣ Георгій Валентиновичъ Плехановъ. Триста учениковъ привѣтствуютъ своего учителя. Триста учениковъ, сами ставшіе учителями. Грономъ аплодисментовъ „восточный интернаціональ“ встрѣчаетъ того, кто „Группой Освоб. Труда“ вписалъ въ исторію марксизма въ Россіи первую страницу, чье имя начертано на всѣхъ страницахъ ея, втлочь до нынѣшняго дня.

Любуясь аудиторіей, увѣренно чеканить свои слова Плехановъ. Голосъ твердый, чистый, боевой. Ясныя слова, отражающія глубокую ясность мысли.

„Выдающійся русскій мыслитель XIX столѣтія“ словно рожденъ для трибуны. Высокій, широкоплечій, прямой,—онъ весь будто вылитый изъ одного куска гранитный массивъ.

Въ жестахъ, въ интонаціяхъ голоса чувствуется иногда аффектація. Французскій жанръ ораторскаго искусства. Но это не дисгармонируетъ съ обликомъ оратора.

Крупное лицо, лицо барина. Высокій благородный лобъ. Глаза, большіе и блестящіе. Въ нихъ умъ и вызовъ. Вызывающіе, дерзающіе огни. Иронія въ углахъ губъ, въ улыбкѣ; въ минуты полемики—сарказмъ.

Когда Плехановъ сидитъ среди своихъ, сидитъ и слушаетъ другого, онъ кажется орломъ отдыхающимъ, но каждый мигъ готовымъ къ полету. Введите въ залъ иностранца и спросите: вотъ триста ратниковъ, кто вождь ихъ? И онъ пройдетъ по залу и взглянетъ на каждого изъ трехсотъ и, подойдя къ Плеханову, укажетъ: вотъ вождь.

Плехановъ бываетъ рѣзокъ, неприятно рѣзокъ, раздражителенъ. Въ пылу полемики онъ, острый и язвительный, не щадитъ ни врага, ни друга-противника. Онъ любитъ злую шутку, пряное слово, ѣдкій смѣхъ. Самъ сравниваетъ себя съ „боевымъ конемъ.“

— Сколько разъ—шутить Плехановъ,—мнѣ приходилось слышать: Плехановъ уже не тотъ. Былъ конь да изъѣздили... Конечно, постарѣлъ - то постарѣлъ...

Но конь тотъ же и прыть—прежняя еще, боевая...

Гляжу на европейскій костюмъ Плеханова и думаю, вспоминаю: Жоржъ—такъ звали Плеханова въ дни его народнической юности, въ годы, когда онъ какъ земледелецъ работалъ, между прочимъ, и въ Саратовѣ. Одѣвался, вѣроятно, щегольски. Нигилистическая одежда не идетъ къ нему. А онъ долженъ былъ любить то, что къ нему идетъ.

На интимныя бесѣды Плехановъ рѣдко когда располагаетъ. Сильнѣе всего бьется въ немъ живой общественный темпераментъ. На міру дышется ему легко. И, кажется, на міру способенъ онъ писать свои книги и статьи.

Бесѣдуя съ Плехановымъ, чувствуешь себя, какъ въ солнечный морозный день—ясно, крѣпко и бодро. Онъ умѣетъ слушать, но еще лучше умѣетъ говорить. Діалектическій матеріализмъ—его философія, и діалектика—его стихія.

Въ сферѣ марксистской идеологіи Плехановъ чувствуетъ себя какъ дома... „Дома“ онъ и въ исторіи русской общественной мысли. Своихъ предшественниковъ онъ знаетъ превосходно.

Вотъ онъ, крѣпкій и самоувѣренный, шагаетъ по панели, Портфель въ рукахъ. Широкіе шаги. Взглядъ пыливый, но не ищущаго, а нашедшаго, знающаго и оцѣнивающаго...

Въ глубокихъ плехановскихъ глазахъ—блескъ самоцвѣтнаго ума. Эвклидовскаго ума. Мистическія бездны не тянутъ его къ себѣ. Синій просторъ надъ нимъ, и твердая земля подъ нимъ.

Ирраціональное, неутоленные боли, тайны сіянія и угасанія душъ человѣческихъ—здѣсь Плехановъ „не дома.“ Его міръ—музыка звуковъ, а не тайныхъ шопотовъ. Преображеніе общественныхъ отношеній и, какъ слѣдствіе, преображеніе человѣческаго лица—на эти волнующія проблемы щедро проливаетъ Плехановъ кубокъ своего творческаго таланта.

И кажется, никогда словами Плеханова не станутъ слова русскаго поэта: „О ночь возьми меня: я такъ усталъ отъ дня.“

Ближе, роднѣе ему предсмертный зовъ и томленіе нѣмецкаго олимпійца—„Свѣта, больше свѣта!“

Таковъ Плехановъ, котораго я встрѣтилъ въ осенніе дни освобожденія, когда зори уже догорали...

VI.

Море. Весенняя лунная ночь тихо вѣетъ надъ тихими зелеными волнами. Серебристая улыбка ея тайно колдуетъ кого-то, кто притаился въ глубинахъ и ждетъ, чутко дышитъ, чутко внемлетъ.

Одинокій, но увѣренный, бороздитъ нашъ корабль пустынное поле морское. Задумчивъ и тихъ капитанъ, но увѣренностью блестятъ его глаза.

Я въ первый разъ на морѣ. Въ дыханіи притаившейся стихіи я чую неугомонное сердце, то грозное и гнѣвное, то усталое и ласковое, ищущее примиренія и забвенія. Но я увѣренъ и спокоенъ, ибо спокоенъ капитанъ. Я знаю, что корабль скованъ крѣпкими руками, и крѣпокъ его желѣзный механизмъ.

На палубѣ немного пассажировъ. Не слышенъ громкій говоръ,—словно закралась въ сердца зачарованная тишина волнъ.

Бесѣдуетъ группа пассажировъ. Бесѣда давно началась и не видать, когда кончится. Все о томъ же:—самомъ главномъ, самомъ важномъ, поглотившемъ все вниманіе, всю энергію мысли, воли.

Идетъ борьба за свободу народную, и вѣрится еще въ неизбежность близкаго прилива. Какъ собирать силы, съ кѣмъ идти, по какимъ путямъ,—тревожные вопросы волновали, жгли, порождали неумолчные споры и острыми клинами раскалывали тѣло, охваченное единымъ порывомъ...

Имя Ленина часто мелькало въ спорахъ, то въ ореолѣ твердо-каменнаго, неумолимо-последовательнаго борца, то въ темной тѣни заговорщика-бланкиста, не умѣющаго слиться воедино съ творческимъ, самостоятельнымъ, самосвобождающимся классомъ.

— Видали Ленина? Говорили съ нимъ? Онъ здѣсь.

Сильно потянуло поговорить съ знаменитымъ „большевистскимъ“ вождемъ. Бесѣда на палубѣ затянулась. Доводы спорящихъ казались неистощимыми. Текущій моментъ, ближайшія перспективы, очередныя задачи,—быстро мелькали знакомыя, все знакомыя слова и выраженія. И думалось:

— Какъ онъ отвѣтилъ бы, доказывалъ, разъяснилъ, что онъ возразилъ бы?

— Идемъ внизъ,—тихо сказалъ я товарищу.—Идемъ къ Ленину.

— Идемъ..

И мы спустились туда, гдѣ былъ Ленинъ

— Вотъ,—многозначительно указалъ мнѣ товарищъ.

Сжавшись въ комокъ, положивъ подъ голову руки, не то дремалъ, не то думалъ съ закрытыми глазами тотъ, на кого товарищъ указалъ мнѣ.

— Сядемъ. Когда встанетъ—познакомлю ..

VII.

„Тулинъ“—это было давно, когда марксизмъ только прокладывалъ себѣ путь въ открытую русскую литературу. Печальна была судьба „Тулина“: написанное имъ было предано сожженію.

Но не умеръ „Тулинъ“. Изъ потухшаго пепла выявилось новое лицо: въ литературу вошелъ Вл. Ильинъ

Это было давно, когда богиня свободы давала первые поцѣлуи нашимъ юношескимъ мечтамъ. Съ замираніемъ сердца читали мы первыя марксистскія книги. На столѣ моемъ, среди учебныхъ руководствъ, лежали „Капиталь“, „Монистическій взглядъ“, „Наши разногласія“—и „Развитіе капитализма въ Россіи“ Вл. Ильина.

Въ книгѣ Ильина было много цифръ, но какія веселыя цифры! Цѣлыя горы вычисленій, выкладокъ, подсчетовъ, но за этими горами виднѣлась заря. Съ захватывающимъ интересомъ читались страницы, извѣщавшія о вступленіи Россіи въ циклъ европейскаго развитія. Была радость, въ сознаніи, что экономическая жизнь подрѣзала корни антитезѣ—Россія и Западъ. Россія становится Западомъ...

...Шли годы. Весеннимъ цвѣтомъ зацвѣла молодая Россія. Въ саду за круглымъ столомъ сидѣли мы, смѣлые, веселые и юношески-увѣренные, и читали „Что дѣлать“ Ленина. Тулинъ-Ильинъ принялъ новое имя.

Когда Чернышевскій училъ „Что дѣлать“, у него было много слушателей, но мало соратниковъ. У автора новаго „Что дѣлать“ каждый слушатель, каждый читатель былъ соратникомъ.

Ликвидация т. н. „третьяго періода“, періода „кустарничества“ въ дѣятельности российскихъ марксистовъ, выдвигала на очередь дня сложныя проблемы. Созданіе дѣеспособнаго коллектива, роль и задачи профессиональныхъ дѣятелей его—Ленинъ давалъ отчетливые планы, рисовалъ яркіе идеалы сочетанія Бебелей и Ауэровъ съ героическими чертами представителей боевого народничества.

Книга Ленина создавала культъ этихъ новыхъ дѣятелей. Были горячія дискуссіи... Въ пылу споровъ загоралось въ сердцахъ желаніе быть тѣми и такими, какихъ рисовалъ Ленинъ.

...Шли годы. Гнулось, ломалось, умирало старое, росло мужество и упорство, била ключемъ молодая жизнь. Дни были какъ годы, и годы, какъ вѣка. Посѣвъ и жатва шли одновременно.

Ленинъ былъ въ первыхъ рядахъ, среди тѣхъ, кто звалъ, велъ, смыкалъ ряды. Издалека его лицо казалось обвѣяннымъ пороховымъ дымомъ.

— Капитанъ,—кричали ему во слѣдъ дальнозоркіе.— Дымъ застилаетъ вамъ глаза. Вы плохо видите.

— Капитанъ,—кричали въ слѣдъ наиболѣе чуткіе—вы оглушены боемъ. Вы плохо слышите.

Но Ленинъ неотступно шелъ впередъ, по прямой дорогѣ, рубя направо и налево, неизмѣнно увѣренный въ неизбежности полной побѣды.

VIII.

Лежавшій не спалъ. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на насъ, сидѣвшихъ противъ него.

Мы познакомились. Послѣ минутнаго неловкаго молчанія разговорились. Бесѣда была все о томъ же—самомъ главномъ и важномъ, поглотившемъ все вниманіе и всѣ силы...

Я ожидалъ встрѣтить рѣзко-отчетливую фигуру и ошибся.

Средній ростъ, темно-сѣрый пиджакъ, темно-сѣрое лицо. Улыбнется,—и русско-деревенская хитрость, „себѣ на умѣ“, пробѣжитъ по лицу.

— Сколько ему лѣтъ?—думалось...—Среднее, лѣтъ подь сорокъ.

Обыкновенный видъ. Что-то сухое, но жилистое въ лицѣ, въ рукахъ.

Лицо молчить. Ни игры, ни пѣвучести. Въ глазахъ нѣтъ блеска.

Говорить просто, и очень просто,—„по товарищески“—въ обращеніяхъ. „Я, какъ и вы.“ Не учитель среди учениковъ, а воинъ среди воиновъ,—въ шеренгѣ. Говорить, слушаетъ, но мысль его, кажется, погружена въ себя. Слова—короткія и звучатъ, какъ удары тупого ножа. Весь онъ будто сшитъ и скроенъ на несговорчивый ладъ.

* * *

Многіе дни и недѣли я встрѣчался съ Ленинымъ, имѣя возможность приглядѣться, прислушаться къ нему. Но первыя впечатлѣнія не сглаживались, они углублялись.

Мысль невольно наталкивалась на сопоставленіе Ленина съ Плехановымъ.

Плехановъ—великороссъ, „баринъ“, яркая и эффектная фигура. Развернутый талантъ. Ленинъ—безъ рѣзкихъ очертаній, талантъ свернутый, огонь его гдѣ-то скрытъ глубоко.

Плехановъ естествененъ въ креслѣ съ изящной узорчатой рѣзбою, Ленинъ—на простомъ деревянномъ табуретѣ. Демократъ...

Ленинъ не учитъ, какъ мудрецъ, не размышляетъ, не сомнѣвается, какъ философъ. Онъ знаетъ одну истину и, не отвлекая своего вниманія, служитъ ей, какъ фанатикъ.

Онъ мыслить по схемѣ. Логика его прямолинейна и оттого, когда онъ говоритъ, кажется, будто рѣчь его катится по рельсамъ, проложеннымъ по ровному пути. Ни подъемовъ, ни спусковъ.

Когда Ленинъ стоитъ на трибунѣ, нападаетъ или обоняется, онъ приростае къ своему мѣсту. Втянетъ голову въ плечи и несется,—говорить, говорить, сдержанно-страстно, убѣжденно.

Тогда чувствуется, сколько скрытаго электричества въ этомъ человѣкѣ.

Резолюціи, поправки, поправочки къ поправкамъ...— Ленинъ хочетъ быть послѣдовательнымъ во что бы то ни стало. Если факты жизни непослѣдовательны, тѣмъ хуже для нихъ. Ленинъ ошибиться не можетъ.

Обаяніе личности Ленина для его послѣдователей въ скрытой мятежности его натуры, въ романтикѣ его боевого фанатизма, въ его энергіи и увѣренности безграничной.

Вспоминая его „Что дѣлать“, думалось: въ немъ больше отъ героевъ русскаго былого, чѣмъ отъ современныхъ Бибелей и Ауэровъ. Въ эпоху россійскаго „Sturm und Drang'a“, на гребнѣ исторической волны, подымись эта волна достаточно высоко, онъ былъ бы тамъ, гдѣ требовался бы диктаторъ. Плехановъ училъ бы, указывалъ, предостерегалъ. Ленинъ, втянувъ голову въ плечи, стоялъ бы на капитанскомъ мостикѣ увѣренный, что корабль идетъ и придетъ туда, куда онъ ведетъ.

Музыка борьбы настоящаго ближе, внятнѣе сердцу Ленина, чѣмъ музыка будущаго. Въ этомъ его слабость, въ этомъ и сила.

Вотъ онъ ходитъ по залу, заложивъ руки въ карманы; тихая „кошачья“ поступь. По сторонамъ не глядитъ, раздумываетъ, будто готовится къ нападенію на невидимаго врага. Подошли къ нему... Улыбнулся, не застигнуть врасплохъ; улыбка наружно привѣтлива, но еще болѣе замыкаетъ лицо.

... Да, да, онъ понимаетъ васъ, но „вы ошибаетесь“. Оружіе критики—доброе дѣло, но критика оружія—не надо лучше...

Вы несогласны? Вы предаете—сознательно или безсознательно (кто васъ знаетъ, недовѣріе—необходимая добродѣтель) вы предаете великіе интересы...

Снова ходитъ по залу мѣрными шагами.

Спокойный, ушедшій въ себя. Сухая, упрямая, негибкая фигура. Немного отъ Робеспьера, немного отъ инквизитора. Какъ воздухъ, ему нужно первенство, если не въ Римѣ, то въ большой деревнѣ. Руль власти долженъ быть въ его рукахъ, ибо онъ увѣренъ, что знаетъ, куда и какъ вести...

IX.

П. Б. Аксельродъ. „Старичекъ“. Сѣдые всклокоченные волосы, живые, быстрые глаза. Быстро-быстро говоритъ, спѣша и волнуясь. Маленькая голова, но сколько въ ней мыслей! Слушаю и, кажется,—слушала бы безъ конца. Не возражать, не спорить, а только слушать. И потомъ, придя домой, медленно развертывать спутанный клубокъ выслушанныхъ мыслей. Сколько ясныхъ свѣтлыхъ, золотыхъ нитей!

Милая безхитростная улыбка. Ни ироніи, ни властности въ лицѣ. Только желаніе дать понять, объяснить, толкнуть вашу мысль на вѣрный путь.

Ему не надо красныхъ словъ, онъ не приказываетъ, не ведетъ. Онъ только сѣятель, и лукошко у него широкое и полное, и бросаетъ онъ сѣмена направо и налево, на почву каменистую и на почву черноземную. Онъ увѣренъ: солнышко пригрѣетъ, и будутъ всходы.

Почему такъ мало, сравнительно мало, литературныхъ работъ у П. Б. Аксельрода? Живой родникъ идей не разливается шумливыми волнами по поверхности, но близко стоящіе знаютъ, что онъ глубокъ. У Аксельрода могли бы „попользоваться“ многіе писатели-популяризаторы. Онъ не боится пустить свою мысль въ оборотъ раньше, чѣмъ отдастъ ее въ печать. Оттого, несомнѣнно, въ общемъ круговоротѣ марксистскихъ идей въ Россіи много „аксельродовскаго“, не закрѣпленнаго авторскимъ именемъ.

До одежды, до внѣшности Аксельроду, кажется, „все равно“. Гдѣ ужъ „намъ“, старичкамъ, до импозантности... И это не только въ одеждѣ: таковъ и „внутренній стиль“.

Я заявляю, я утверждаю—не въ тонѣ Аксельрода. Мы думаемъ, надо бы не такъ, а этакъ—всегда отъ коллектива, всегда черезъ коллективъ. Не гнется, но и не колется, и потому нетрудно, вѣроятно, съ нимъ ужиться. Цѣнные черты „коллективистскаго“ характера.

Аксельродъ—русскій марксистъ. Сжился, сроднился, слился совершенно съ русской средой. Будто не въ еврейской семьѣ выросъ, а въ провинціально-русской, разночинной. Космополитически мыслить, но заботы—не только главныя, но всѣ заботы—о русской части „восточнаго интернационала“.

Вокругъ имени Аксельрода не кипятъ шумные, рѣзкіе споры. Но мысли его, всегда оригинальныя, всегда плодоносныя, медленно, но безостановочно просачиваются въ марксистскія головы. И не одной части, но всѣхъ органическихъ

частей російскаго коллектива. Среди духовныхъ отцовъ нашихъ мѣсто Аксельрода—почетное, славное мѣсто.

X.

Имя Мартова популярно въ передовыхъ кругахъ пролетарской Россіи. Оно извѣстно и всей нашей, живущей политической жизнью, демократической интеллигенціи. Талантливый публицистъ имѣетъ большую аудиторію.

Въ статьяхъ Мартова—сосредоточенная страсть и пытливая вдумчивость. Онъ умѣетъ обобщать факты, выдвигать центральныя задачи, создавать лозунги. Мысли его ясны, слова отточены, и духъ борьбы вѣетъ въ нихъ.

Худой, болѣзненный, узкая черная борода. Глаза большіе, печальные, тоскуюшіе. Вспыхнуть темнымъ блескомъ—и тогда чувствуется, какая пламенная вѣра живетъ въ душѣ.

Голосъ тихій, съ „глухимъ“ оттѣнкомъ, словно идетъ этотъ голосъ изъ далекой, закрытой глубины. Когда Мартовъ говоритъ, онъ сгибаетъ фигуру; что-то не даетъ, мѣшаетъ выпрямиться.

Помню статью Мартова въ „Зарѣ“—„Всегда въ меньшинствѣ“. Въ ней много скрытаго энтузіазма, и это характерно для Мартова. Подлинный „меньшевикъ“. Ищетъ, движется и всегда „съ меньшинствомъ“, въ сторону наибольшаго смысла. Онъ хочетъ быть лѣвымъ, темпераментъ борца предначерталъ ему опредѣленный лѣвый лагерь, но лѣвѣ здраваго смысла онъ не будетъ никогда.

Въ минуты задумчивости—глубокая устремленность взгляда. Словно прислушивается къ тихимъ успокаивающимъ звукамъ, плывущимъ издалека.

Замираютъ тревоги, смятеніе, ожесточенность сегодняшняго дня, и музыка будущаго ласкаетъ мятущуюся душу: мы отдохнемъ, мы отдохнемъ...

Но это—минуты. Встрепенулся, заговорилъ, и Мартовъ снова въ гущѣ борьбы, снова безпокойство въ лицѣ, въ улыбкѣ.

Мартовъ—интеллигентъ, и—не только по внѣшнему, но и по внутреннему облику—еврейскій интеллигентъ, хотя и далекій отъ вѣрнаго пониманія современной еврейской жизни. Соредакторъ центрального органа русскаго марксизма, онъ служить „обще-русскому“ пролетарскому дѣлу, мечта его—единое человѣчество.

Дѣлу пролетаріата Мартовъ преданъ беззавѣтно: вѣдь, освобожденіе пролетаріата—освобожденіе всего человѣчества. Развѣ есть другіе пути?

XI.

Старовѣръ—онъ же Потресовъ. Крупная, граненая фигура. Открытый лобъ, открытый честный взглядъ. Нервная подвижность головы, болѣзненно-нервная. Въ улыбкѣ—скорбь, и отъ скорби этой—тихий, внутренній свѣтъ.

Старовѣръ мало говоритъ, больше слушаетъ. И все пишетъ, пишетъ: одинъ, въ полуосвѣщенной комнатѣ. Перо его—тонкое и гибкое.

Пытливая, честная мысль. Она ищетъ, не боясь выводовъ, ломая преграды, очищая путь. Она не знаетъ отдыха, долгихъ приваловъ. Начало мудрости—сомнѣніе. Въ дѣлѣ строительства общественной жизни нужны пламень, радость вѣры, но нужны и цѣнны и муки сомнѣній.

Помню „Современную весталку“ Старовѣра. Убѣжденный марксистъ читаетъ отходную старому народничеству. Здѣсь много словъ, напоенныхъ сарказмомъ. Но только ли сарказмомъ? Есть и тайная грусть. Чувствуется, что приговоръ произноситъ не „Иванъ, непомнящій родства“, не случайный судья, а близкій человѣкъ, прекрасно знающій свою родословную. Недаромъ Старовѣръ пишетъ исторію русскаго разночинца, „Этюды о русской интеллигенціи“. Если онъ находитъ новое, онъ уходитъ отъ стараго, но съ болью уходитъ, съ тоскою разлуки.

Углубленный и чуткій, ищетъ Старовѣръ самыхъ важныхъ, самыхъ нужныхъ темъ. Онъ не даетъ пустякамъ одолѣть себя. Мысль его живетъ не въ темномъ глухомъ перелѣтѣ, а на широкомъ раздолѣ, при свѣтѣ солнечномъ. Она не обходитъ острыхъ вопросовъ, а близко касается, вплотную подходитъ къ нимъ. И если ошибается, то честно, и потому, что ищетъ.

Благородствомъ, внутреннимъ благообразіемъ вѣетъ отъ фигуры Старовѣра. Не удалю, не упрямствомъ, но упорной работой критической мысли...

XII.

Наташа.

— Выдумываю... Выдумываю и жду...

Баронъ.

— Чего?

Наташа.

— Такъ вотъ, думаю, завтра... пріѣдетъ кто-то, кто-нибудь... особенный... Или случится что-нибудь... тоже небывалое... Подолгу жду... всегда жду... А такъ... На самомъ дѣлѣ... чего можно ждать? "

Чудится мнѣ въ лицѣ Наташи мельканіе души самого Горькаго. Тамъ, на Днѣ, не могъ онъ жить беззвучнымъ, безкрасочнымъ сегодняшнимъ днемъ. Въ ядовитой духотѣ, гдѣ заброшенные и обойденные судьбою хранятъ въ своихъ сердцахъ только пепель безрадостно сожженной жизни, чѣмъ дышать Наташѣ? Въ дыму и копоти, безъ пламени сгораютъ дни ея и ночи,—что согрѣетъ душу ея, поэтически-чуткую, томящуюся по жизни иной?

Талантъ сказочника подсказываетъ Горькому спасительный отвѣтъ: выдумывай и жди... И Горькій выдумываетъ и—ждетъ...

— Чего?

„Завтра“, „кто—нибудь особенный“, „что—нибудь небывалое“... Только „завтра“ вѣетъ благоуханіемъ, переливаетъ радужнымъ блескомъ, обѣщаетъ значительный, цѣнный смыслъ. Еще неизвѣстно, что именно произойдетъ завтра, но непременно—что-нибудь небывалое, особенное. И непременно—радостное, свѣтлое...

И ждетъ, ждетъ Наташа: вотъ „пріѣдетъ“, вотъ „случится“. Мелькаютъ дни молчаливые, ночи безлюбивыя, а она ждетъ... все ждетъ...

Оттого-то Горькій такой внимательный и любопытствующій.

* * *

Противъ постылаго „сегодня“ Горькій-босякъ поднялъ дерзостный бунтъ. Сытымъ и самодовольнымъ, сѣрымъ и скучнымъ, одурманивающимъ себя хозяевамъ безобразнаго „сегодня“, поэтъ-сказочникъ бросилъ гнѣвный вызовъ.

Героевъ дна, зыбкихъ тѣней горьковскаго „я“, не тянетъ „наверхъ“. Безпокойные и мятежные, проклинають они этотъ „верхъ“—тюрьму съ рѣшетками, скрѣпленными условной ложью, съ пыльными стеклами, загаженными лицомъриемъ, отражающими тусклый, скучный мѣръ. Душно на днѣ, но тѣмъ сильнѣе—жажда силы, размаха, свободы.

Оправленные въ поэтическія рамы, дерзкіе бунтари Горькаго волнуютъ своимъ буйнымъ протестомъ, своимъ гнѣвнымъ отрицаніемъ сытой пошлости хозяевъ безцвѣтнаго „сегодня“.

Сказочникъ Горькій выдумываетъ, выдумываетъ и—ждеть...

* * *

„Что-то настраивается“... Чуткій слухъ художника уловилъ что-то „особенное“, „небывалое“ въ играющихъ всплескахъ вспѣннѣвшей жизни. Не случится ли что? не пріѣдетъ ли кто, не грядетъ ли радостное „завтра“?

Когда понялъ художникъ и убѣдился, что „буря, скоро грянетъ буря“, онъ рванулся ей на встрѣчу. Жадный къ жизни, онъ въ восторгѣ запѣлъ свои грозовыя пѣсни, пѣсни о „Буревѣстникѣ“...

— „Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ“,—смѣется Горькій.

„И гагары тоже стонуть. Имъ, гагарамъ, недоступно наслажденіе битвой жизни“.

Намъ, поколѣнью, вставшему къ утру „завтрашняго“ дня, буря была желанна. И оттого пѣвецъ „Буревѣстника“ сталъ нашимъ пѣвцомъ, „безумство храбрыхъ“—нашей мудростью. и увѣренность въ побѣдѣ—нашей радостью.

Самъ вышедшій изъ моря народнаго, Горькій зналъ, какой гнѣвъ неотмщенныхъ обидъ таится въ его глубинахъ. „Съ нимъ говорила морская волна“. Онъ пѣлъ созвучно съ нею, сверкалъ ея вспѣннѣнной бѣлизной, дышалъ ея бурнымъ дыханіемъ.

И вотъ—свершилось дивное событіе въ жизни Горькаго. Въ бурѣ и грозѣ открылся ему творецъ многообѣщающаго „завтра“. Внимательный, любопытствующій онъ зорко взглянулъ въ даль, и за нею, „за далью непогоды“ увидѣлъ „блаженную страну“. Онъ увидалъ миллионы работниковъ, охваченныхъ единымъ порывомъ, спаянныхъ единой мыслью, неуклонно-растущей волей къ творчеству новой объединенной жизни. Силой ясной мысли, свѣтомъ интуиціи

художникъ угадалъ въ этой объединенной жизни—наступленіе „особеннаго“, „небывалаго“,—небывалаго съ тѣхъ поръ, какъ земля дышетъ цвѣтами и дымится кровью...

На вопросъ Наташи: Чего можно ждать? Горькій нашель радостный отвѣтъ.

И съ тѣхъ поръ началась его новая жизнь.

XIII.

Долго не сводилъ я глазъ съ лица Максима Горькаго...

Умное, доброе лицо. Умная душевная улыбка. То не лицо, не глаза улыбаются, а сама душа поэта, душистая, ясная.

Крѣпкія черты сына народа, что-то мужественное, непокорное въ лицѣ и—въ то же время—тихое вѣяніе мягкой женственности. Что-то отъ Наташи, тѣнь отъ образа отраженная...

Порою мелькаетъ суровость во взорѣ. Промелькнетъ—и исчезнетъ. А обычно—внимательность, любопытство и просвѣтленность...

Простая, рабочая черная тужурка. Стильно. Горькому не идетъ цвѣтной галстукъ и крахмальный воротникъ,

— Товарищъ Горькій..— въ первый разъ обратился я къ поэту, и сейчасъ же почувствовалъ въ двухъ словахъ этихъ гармоническое созвучіе.

Товарищъ Горькій—да, это слитно. Эти два слова родились близнецами.

„Умъ честнаго человѣка—въ сердцѣ его“. Не по себѣ ли судить Горькій о честныхъ людяхъ? Не по этой ли дорогѣ пришелъ онъ къ „Вездѣсущему“, и всѣмъ своимъ существомъ слился „съ молодымъ сердцемъ міра?“...

Слушаю Горькаго и кажется мнѣ, что и голосъ его и мысли только что омывались въ струяхъ его сердца.

Чудится мнѣ: вотъ странникъ предо мною. За плечами его—котомка чудесная. Ходитъ онъ по вольному міру, и все подбираетъ по дорогѣ, что попадетъ: тряпка ли рваная—тряпку броситъ въ котомку, вѣтка подсохшая—и вѣтку туда же, камушекъ ли пыльный—и камушекъ пригодится. До всего любопытенъ странникъ.

А вотъ, какъ расположится отдохнуть и станетъ выкладывать все изъ котомки своей—глядишь и глазамъ не вѣришь: вмѣсто тряпки истлѣвшей—бархатъ узорчатый, вѣтка ожившая цвѣтами расцвѣтилась, камушекъ пыльный въ алмазь превратился...

— „Выдумываю... выдумываю и—жду“.

Встрѣтится съ ребенкомъ—съ ребенкомъ поговорить; онъ знаетъ правду сердца его.

Встрѣтится съ юношей—его правду пойметъ. Съ зрѣлымъ мужемъ, многовидавшимъ—съ его правдой сольется. Сумрачная, горестная жизнь народная вспоила его своей горечью. Зналъ онъ и одиночество безысходное, и страхъ чело­вѣка предъ собою, и безмѣрность страданій души чело­вѣческой. Ему ли не простить слабости истомленныхъ, гнѣва обездоленныхъ, ненависти обманутыхъ и униженныхъ?

И когда взглянулъ онъ и увидѣлъ, что солнце новой, устроенной жизни зажигаютъ на землѣ обездоленные работники, что сказку „завтрашняго“ дня ткуть они борьбою своей, что на смѣну страдающему одинокому чело­вѣку изъ „Подполья“ идетъ объединяющійся народъ, „народушко“, страдающій, но въ страданіяхъ своихъ творящій что-то „особенное“, „небывалое“ на землѣ, онъ—сказочникъ Горькій—съ душою несытой и жадной къ жизни, слился съ этими работни­ками, съ „Вездѣсущимъ“, съ этими миллионами строителей новой жизни. Онъ знаетъ, что сегодня они запалены, забрыз­ганы, волнуются, спорятъ. Но онъ знаетъ также, что упорны ихъ стремленія, смѣлы и радостны, и истина—лучшій ихъ другъ.

Еще на Днѣ, гдѣ томилась Наташа, звучали гордые слова:

— „Что такое чело­вѣкъ? Это не ты, не я, не они... Нѣтъ! это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ, въ одномъ. Понимаешь? Это огромно. Въ этомъ всѣ начала и концы“.

Придя къ коллективизму, къ идеалу устроения всей земли, объединенія въ свободѣ и равенствѣ всего чело­вѣчества, Горькій преклонился предъ чело­вѣчествомъ завтраш­няго дня.

Чело­вѣчество—вотъ въ чемъ всѣ начала и концы.

Достоевскій усмѣхнулся бы при этихъ словахъ скорбно­лукавой, „подпольной“ улыбкой своей: а чело­вѣчество для кого?.. И рассказалъ бы намъ свой сонъ о вѣчности—деревен­ской банѣ съ пауками по угламъ...

Горькому другое грезится. Тамъ за далью непогоды ему грезится преображенное чело­вѣчество, богочело­вѣчество, что-то „особенное“, „небывалое“, сказочное чудо....

Да, да, земля устроится, отдышится, отдохнетъ. Чело­вѣчество освободится отъ черной работы, избавится отъ по­стылой и гнетущей нужды, и „все, что цѣнно и прекрасно на землѣ“, станеть источникомъ радости для всѣхъ и каждого.

Объ этомъ поетъ сегодня „летающая надъ людьми красная, огненная птица—предвѣстница новой жизни“...

Но только ли это будетъ? Что еще произойдетъ? Жизнь до „завтра“ извѣстна, но „завтра“? „Завтра“, когда чело­вѣкъ къ чело­вѣку и чело­вѣкъ къ природѣ стануть въ совершенно новыя отношенія? Не будетъ ли чуда?..

Въ „Исповѣди“ Горькаго толпа, сливающаяся на мгновение въ единомъ желаніи, творить чудо. Не явится ли преобра­женное, слитное чело­вѣчество творцомъ несказанныхъ без­смертныхъ чудесъ? Не напрасно ли улыбнулся Достоевскій? Не тогда ли произойдетъ подлинное „касание мірамъ инымъ“?

Въ душѣ Горькаго живетъ неизбывная вѣра, и „Вездѣ­сущее“ поетъ ея молитвы. Прекрасны эти молитвы, торже­ствомъ побѣды онѣ напоены...

— Нѣтъ и не будетъ силъ, которыя могли бы убить молодое сердце міра...

— Это—слово для пѣсни, сынокъ...

— Милліоны голосовъ поютъ эту пѣсню и все болѣе вни­мательно слушаетъ ее вся жизнь...

Горькій влюбился въ эту сказочную пѣсню... сегодня это лучшая пѣсня земли. Странникъ съ чудесной котомкой за плечами ходитъ, все ходитъ по вольному міру, привѣт­ствуя „Вездѣсущее“, шумное рождение новаго міра, привѣт­ствуя радостную зарю.

На лицѣ его, добромъ, просвѣтленномъ, играютъ золо­тистые отсвѣты чудеснаго „завтра“...

Н. Владиміровъ / Д. К. Чертковъ

